

Люди нашего театра

Он сердцем молод

1938 год особенно памятен Николаю Николаевичу Эльмановичу. Это год первого знакомства с Петропавловском, с Камчатским областным драматическим театром.

Режиссер, накопивший богатый опыт в московских театрах, он одинаково плодотворно работал над пьесами советских драматургов и над произведениями русской и западноевропейской классики.

Старожилы помнят и артистические успехи Николая Николаевича того времени. Это — Генри Хиггинс в комедии Б. Шоу «Пигмалион», Глумов — «На всякого мудреца довольно простоты» Островского, Александр — из «Последних» Горького. Эти успехи говорили о том, что актер жил на сцене жизнью своего героя, всей полнотой его чувств и мыслей. Другими словами, он выполнял то неизменное условие создания на сцене жизненной правды, без которой не может быть и речи о подлинном искусстве.

Семейные обстоятельства заставили Эльмановича вернуться на время в Московский театр драмы и комедии. Но полюбившаяся Камчатка, чуткий камчатский зритель непреодолимо тянули обратно. И с апреля 1953 года по сей день Николай Николаевич работает в творческом коллективе Камчатского областного драматического театра.

Трудно перечислить все сыгранные им за этот период роли. Но как не вспомнить мягкого, обаятельного старого актера, нежно любящего отца, Льва Гурьча Синичкина, сыгранного с настоящим водевильным блеском,

или капитана Черногуба в пьесе Штейна «Персональное дело»? И, конечно, нельзя обойти молчанием последнюю работу артиста в «Кремлевских курантах» — роль инженера Забелина. Типичный русский интеллигент, Забелин сбился в поном, непонятном ему строе жизни. За вспышками гнева он прячет рассейность, глубокую душевную боль. Все это артист передает живо и правдиво. И так же правдиво он показывает переход Забелина на сторону тех, «кто вышел вместе строить и мечь в сплошной лихорадке буден».

40 лет, четыре десятилетия отданы театру. Иногда, в минуты раздумий, вспоминается и заезжая труппа в маленьком провинциальном городе Белеве, которая стала первой актерской школой для реалиста Эльмановича, и годы учебы в Московской драматической студии имени Грибоедова, и первые шаги на сцене в Московском театре имени Блока. Быстро бегут годы...

«Наш Эльман» — почтительно называет старейшего актера молодежь театра, с которой он охотно делится своим богатым опытом и знаниями. «Наш Эльман» — говорят о нем с уважением товарищи старшего поколения за то, что он беззаветно предан театру и отдает всего себя любимому делу.

— Нет большего счастья, чем служить своим искусством народу, — говорит Николай Николаевич Эльманович. Глубокая правда и искренность этих слов подтверждены всей жизнью актера.

Быстро бегут годы... Но артист, прошедший долгий, трудный и в то же время славный актерский путь,

полон энергии и творческих сил. Этот человек, с седой головой, сохранил молодость души. Он сердцем молод!

В. ГУСЬ.

Страницы жизни

Это было 10 лет назад. К пристани медленно подходил пароход. Вместе с другими пассажирами в этот день на камчатский берег сошел Казанцев — новый артист Камчатского драматического театра.

Работа оказалась интересной, но беспокойной. Уже через год после приезда началось путешествие: театр выехал на гастроли к труженникам Курильских островов и Чукотки. Возвращенные встречи со зрителем снова и снова убеждали в верности избранного пути. Нет, не зря он мечтал когда-то о театре, о профессии актера, не напрасно он так настойчив был в годы учебы в студии.

Шли годы. Рос театральный коллектив. Вместе с коллективом рос и Казанцев, для которого Камчатский театр стал второй школой.

Как нельзя лучше характеризовало творческие возможности артиста исполнение им роли золотопромышленника Ширинкина в пьесе Мамина-Сибиряка «На золотом дне». Зритель увидел раздавленного и ничтожного человека, не выдержавшего волчьей хватки с матерями хищниками-золотопромышленниками. Слабый и беспомощный, Ширинкин в исполнении Казанцева не вызывает сочувствия. Ужасающая нищета прискокового люда — вот источник наживы Ширинкина и ему подобных, и нет поэтому к нему сожаления.

К сорокалетию Советской власти театр осуществил постановку пьесы Н. Погодина «Кремлевские куранты». В ней Казанцеву была поручена роль охотника Чернова, в семью которого приезжает великий Ленин. Сцена беседы Ильича с Черновым — это одна из сцен встречи вождя с народом. Тепло и забота, доверие и безграничная любовь народа к своему вождю заключены в каждой фразе, в каждом жесте Чернова — Казанцева. Спектакль был большой творческой удачей всего коллектива.

Совсем недавно Марини Николаевич сыграл роль молодого ученого Федора в пьесе В. Розова «В поисках радости». Эта роль была одной из особенно трудных и даже сейчас еще не совсем доведена до конца. Но у Казанцева настоящий характер, и можно быть уверенным, что он и на этот раз найдет себя в новой роли.

В редкие свободные минуты Марини Николаевич садится за мольберт. Живопись навеивает воспоминания о прошлом, мечты о будущем. Впереди еще много интересных спектаклей, предстоит сыграть не одну роль.

В. СТЕФАНОВИЧ.

Мастерство и требовательность

Перед выпуском спектакля «Кремлевские куранты» руководители театральных цехов отчитывались в готовности к премьере. Заведующей костюмерным цехом на совещании не было. И когда зашел разговор о костюмах, главный режиссер сказал: «Ну, они нас не волнуют».

Быть может, одеть участников этого спектакля было легко и просто? Отнюдь нет. Но в театре уже знают: о деле, которое поручено Лине Филипповне Корягиной, можно не беспокоиться. Все будет сделано